

Natalia Maslennikowa

Россия и Польша : (о книге В. В. Розанова "Война 1914 года и русское возрождение")

Acta Polono-Ruthenica 6, 155-167

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Natalia Maslennikowa
(Rosja, Moskwa)

**Россия и Польша (О книге В. В. Розанова
Война 1914 года и русское возрождение)**

Творчество Василия Васильевича Розанова (1856–1919) складывалось на закате великой русской культуры, оно впитало в себя и, как в зеркале, отразило всю сложность эпохи „последнего всплеска” Руси, ее последнего дыхания. Отсюда трагизм и противоречивость, яркость и выразительность, тонкость и неожиданность, напряженный поиск, почти на ощупь, правды бытия, отсюда и метания религиозной мысли писателя, подчас доходящей до кощунственного глумления, но иногда поднимающейся до пронзительных высот, предчувствие грядущей катастрофы и отчаяние от ее неизбежности и глубокая предсмертная печаль: „Боже, куда девалась наша Россия.[...] Ну, прощай Русь, не забывай себя. Помни о себе” (Письмо к Н. Е. Макаренко от 20 янв. 1919 г.).

В последнее десятилетие табу на литературное наследие Розанова было отменено. Сегодня многие сочинения писателя переизданы и стали доступны широкой читательской аудитории. Однако должно сказать, что ни имя Розанова, ни имена многих русских писателей, мыслителей, ученых, оказавшихся под запретом в период жесткого давления большевистской идеологии, все же не были истреблены из нашей памяти. Разрушительный для русской культуры нигилизм преодолевался постепенно, трудно, но, в конце концов, пути к восстановлению преемственности были обреты. Слово чудесный град Китеж, поднявшийся со дна озера Светлояр, вдруг воскресла былая Россия, ожил напряженно бьющийся пульс русской мысли, ожил в умном слове, которое хранили до времени молчавшие скрижали.

Справедливости ради, следует заметить, что многое из переизданного ныне, конечно же, нуждается в новом глубоком осмыслении, научной дискуссии, обстоятельном комментарии специалистов. Безусловно, и некоторые книги самого В. В. Розанова представляются весьма спорными и даже неприемлемыми для определенного круга читателей. Порой очень непросто разобраться во взглядах автора, понять логику отдельных его суждений. Оценивая религиозную мысль Розанова, Д. С. Мережковский, в частности, отмечал,

что как раз тут „[...] нет диалектики, последовательного хода: мысль его не идет, а перескакивает, перелетывает с вершины на вершину, с острья на острие. Мгновенные прозрения сверкают, как молнии, а между ними – тьма, в которой надо пробираться ощупью. Он путается в противоречиях не только антиномических (в смысле антиномий кантовских), но и логических”.¹

Однако противоречивы не только умозаключения писателя, но и многие его сочинения (нпр. *Около церковных стен* 1906, *Люди лунного света* и *Темный лик* 1911 и др.). И вот на этом сложном фоне какой-то удивительно чистой и свежей, цельной, подлинно русской книгой видится сборник его статей *Война 1914 года и русское возрождение* (СПб.1914), выросший из целого ряда публикаций Розанова, сделанных на протяжении 1914 года в газете „Новое время”. Книга эта пронизана глубокой болью за Россию, за русского человека, солдата, но исполнена верой в настоящую правду русской жизни, в правду православной души народа.

„Для русской интеллигенции начало войны было огромным душевным сдвигом. Та смутная патриотическая готовность, которая в ней накоплялась за последние годы, постепенно сменяя веру в революцию, нашла себе исход. Желание принять участие в общем деле охватило и круги, враждебно державшиеся в стороне в дни японской войны. «Что-то неопишное делается везде. Что-то неопишное чувствуешь в себе и вокруг. Какой-то прилив молодости. На улицах народ моложе стал, в поездах – моложе», – писал о первых днях войны В. В. Розанов”, – замечает русский историк С. С. Ольденбург в своем фундаментальном исследовании *Царствование Императора Николая II*.² Увы, надежды на созидательный труд интеллигенции оказались тщетными, ибо с течением войны, особенно к началу 1917 года, когда уже был очевиден перелом, когда готовилось весеннее победоносное наступление Русской Армии, именно интеллигентскими кругами овладело странное беспокойство, именно их агрессивное предательство, порожденное, не в последнюю очередь, страхом перед торжеством Русского Самодержавия (давнего врага интеллигенции), привело к устранению Государя Императора Николая II Александровича с престола и к ужасающей смуте в России и во всем мире, последствия которой не преодолены до сих пор.

Но книга Розанова написана почти за два с половиною года до этих событий. Ценность ее высока, ибо она являет собой свидетельство времени. Взгляд писателя весьма зоркий, он словно списывает с натуры,

¹ Д. С. Мережковский, *Акрополь*, Москва 1991, с. 276.

² С. С. Ольденбург, *Царствование Императора Николая II*, В 2 т. Репринт, т. 2, Москва 1992, с.149.

показывает, „как жизнь складывалась”. Свидетельство искреннего человека, скорбящего перед трагизмом войны, но торжествующего перед красотой русской души, явленной в час сурового испытания. Единение всего народа, единение с Государем, вдруг ожившее благородное самосознание русского человека, слияние „огромной массы русских людей в одного человека”, „[...] выражение лиц, какое мы все и по всем русским городам знаем в Пасхальную ночь”³ – именно такой увидел автор Россию в июле 1914 года.

Художественная ткань книги достаточно сложна. В сущности, это многоликая мозаика событий, эпизодов, этнопсихологических наблюдений, подлинных документов, уличных сцен, портретных зарисовок – все это связано воедино благодаря философским размышлениям писателя. Перед нами пестрое обширное полотно, на котором изображена Россия начала Великой войны. И, как яркие цветочные пятна, на этой картине выделяются письма русских людей, адресованные в основном Розанову. Письма, и сегодня доносящие до нас „дыхание” той эпохи. Писатель фактически „смонтировал” из них последний раздел книги – „Из армии и возле армии”, пояснив достаточно просто свою цель: „Никто о наших лучших теперь людях не скажет так хорошо, как они сами” (318). Эти чистые русские голоса удивительно гармонично сливаются в едином лейтмотиве – за Веру, Царя и Отечество! Как пронзительно звучат и сегодня (а может быть, особенно сегодня) слова матери, провожавшей своего последнего сына на фронт: „Сыночек, об одном прошу тебя: Царю-то будь верен” (Письмо из Орловской губ. 327). И как поразительно точен комментарий автора к ним: „Это слово одинокой старухи, сказанное сыну при отправлении на войну, – не стоит ли фальшивой многоголосицы, какая неслась по Петербургу, в знаменательный день 9-го января (Гапон)” (328).

Смысл названия книги *Война 1914 года и русское возрождение*, разумеется, поясняется всем ее содержанием, но, кажется, наиболее глубоко он раскрыт во втором разделе – *Войны как великое воспитание*, который открывается следующими рассуждениями писателя: „Войны завоевательные нередко бывали нравственно разрушительны для победителя; но войны оборонительные всегда и безусловно построют дух народный, сжигают в нем нечистые частицы, объединяют его, уплотняют его – ведут к жертве и героизму. Это всегда суть войны нравственно-воспитательные. Такова была у нас война 12-го года; с таковыми же

---

³ В. В. Розанов, *Война 1914 года и русское возрождение*, [в:] В. В. Розанов *Последние листья*, Москва 2000, с. 255. В дальнейшем цитируется настоящее издание, страницы указываются в тексте статьи.

чертами у нас начинается великая война 14-го года” (266). Впрочем следует заметить, что таковыми у нас были почти все войны. Россия не есть государство завоевательное. Вся русская история тому свидетельство. И объясняется это обстоятельство, в первую очередь, особенностями психического строя русских⁴, безусловно, и историко-политическими причинами, а также особенностями русской географии. „История России есть история ее самообороны: потому она и провела две трети своей жизни. Русский народ не жесток и не воинственен – нет, он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен; но русские поля искони были со всех сторон открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. Издревле русский пахарь погибал без меча, а русский воин кормился сохой и косою. Воевала Русь и один на один; воевала и против двух врагов, и против пяти, и против девяти, и против двенадцати. История наша есть история осажденной крепости, история сполоха, приступа, отражения и крови”.⁵

И именно такая история выковала особый героический и жертвенный характер русского народа: „[...] русский спокойно поворачивается лицом навстречу неизбежному и тем самым утверждает себя как личность. А для этого необходимо мужество, и не мгновенная вспышка, а ровно горящий уголь, который и под пеплом мерцает, который и дождь не зальет”.⁶ В час сурового испытания этот „ровно горящий уголь” разгорается ярким пламенем и тогда великий характер великого народа раскрывается во всей своей величественной красоте. Той самой красоте, которая буквально завораживает „интеллигента” Розанова: „Когда повезли в Петроград тела Шувалова, Воеводского, Кауфмана, Бобрикова, кн. Кильдишева, братьев Катковых, братьев Курчениновых, – и еще других многих, качали головами старые: „Как юноши Лейб-Гвардии Конного полка, из первых аристократических семей, могли поскакать прямо на пулеметы?” – то никому не приходило на ум, что они дали тон войне... Все – бросилось! Все – за нами! Все – как они!!! И война, с этого 14 августа, повелась в этом быстром, неудержимом, восторженном духе...

Не благословенна ли их смерть, в таком случае? Родители рыдают и *будут рыдать*. Но Россия будет *помнить и благословлять*. Ну а умереть „благословенным всею страню” – это прекрасно, и наконец, это

---

⁴ См. об этом, например, фундаментальный труд Н. Я. Данилевского *Россия и Европа*. Изд. 6, СПб. 1995.

⁵ И. А. Ильин, *О России. Три речи 1926-1933* [в:] *Собр. Соч. в 10-ти т.*, Москва 1996, т. 6. кн. 2, с. 24.

⁶ И. А. Ильин, *Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления*, там же, с. 481.

счастливо и для юноши, и для старика... И вот так же „первым подскакал” к неприятелю Олег Константинович⁷... [...] Все подымается... Благословенный год” (327). Но для кого же тогда война 1914 года стала „целительницей”, для кого явилась „великим воспитанием”? Ведь и сам писатель уже в начале книги отмечает, что в „русском народе – глубоко историческое чувство. Он сознает громаду свою, мощь свою; он знает, что мощь и громада эта «не напрасно лежат у Бога» (255). И народ как один после объявления войны откликнулся на известные слова Высочайшего Манифеста: „Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело”, откликнулся на призыв Государя: „...да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце” – сердцем же и откликнулся, отозвался из глубины души своей. Самое сознание борьбы за правое дело собрало всех воедино, востребовало всех и вся на защиту русских святынь, воздвигло на стояние за Веру, Царя и Отечество. И если бы эти понятия не были святыми, если бы не хранились они в самом существе народном, вряд ли бы Россия выстояла не только в испытаниях Великой войны, но и во всех последующих испытаниях и лишениях, выпавших на ее долю в трагической истории XX века.

На наш взгляд, уместнее было бы говорить не о русском *возрождении*, но о *пробуждении* русского народа (да и Розанов пишет, что „старый былинный Микула Селянинович пробуждается...” 256), о *раскрытии* его внутренней духовной красоты. Возможно, нечто похожее на возрождение и переживала тогда некоторая часть российского общества, и Розанов, рассуждая об „исцелении”, судя по всему, имеет в виду так называемую „русскую” интеллигенцию и питающую ее среду обывателя, о чем свидетельствует и ход его мысли, и упреки в забвении обязанностей гражданина, в пренебрежительном отношении к родине, к вековым ее святыням... В частности, передавая свое довольно искренне впечатление, он пишет: „Уже сейчас Россия неузнаваема. Где этот горький и часто низкий и циничный смех над собой? Где этот тон постоянного отрицания себя и преклонения перед всем чужим... Как налет пыли.. все это сметено очистительной бурей...[...] Эти дни... мы осязательно и зрительно ощутили воочию... что такое «Государство» и что такое «Отечество». Увы, в мирное время мы слишком чувствуем себя только «членами общества» и мало-помалу вовсе утрачиваем сознание в себе «гражданина»...[...] Этим отчасти можно объяснить невероятную

---

⁷ Сын великого князя Константина Константиновича погиб 29 сентября 1914 г. во время кавалерийской атаки.

распушенность русской мысли и русского слова в отношении России, в отношении Государства, в отношении именно «обязанностей гражданина», которые на столько лет точно вымерли в нашей печати. [...] Вот это ощущение Государства есть вещь, ничем не заменимая в смысле обучения. В год войны мы многому научимся, – прямо перед нами многое новое и неожиданное *раскроется*, и в новую Думу соберутся люди с запасом совсем иных чувств и иного сознания в груди” (267–268). К сожалению, „научиться Государству” интеллигенция (а вместе с ней и обыватель) так и не смогли и надежды на ее возрождение оказались лишь иллюзией. Причины же этого должно искать в самой природе „русской интеллигенции”, в изначальном отрыве ее от народа, от православной веры, а значит, и ото всех ценностей русского бытия.

В следующей главе книги („Забытые и ныне оправданные Поминки по славянофилам”) Розанов продолжает размышлять над проблемой возрождения России на исконно русских началах, анализирует „нашу умственную жизнь”, напоминает о размежевании русской мысли: славянофилы и западники, которое имело самые трагические последствия для судьбы России в целом. Перечисляя основные философские посылки западников, писатель заключает: „Мысль о «русской цивилизации», «русской культуре» – сводила с ума, парализовала душу... Это было то черное, что если не заставляло болеть и умирать Стасюлевичей и Краевских, Пыпиных и других профессоров, то лишь единственно потому, что они были в обладании всеми средствами, чтобы заставить умереть и захворать своих противников [...] Белинский дал понять «своим» ... что славянофильство есть некоторое «неприличное место» в духовной жизни нашего общества. Писарев... называл славянофильских писателей и ученых «Ванькиной литературой». – Потому, что они верят в Бога и признают Россию” (271).

Но по мнению писателя, тогда в 1914 году решительно все мыслили и говорили „точь-в-точь так, как говорил бывало Ив. Серг. Аксаков в *Руси* перед турецкой войной” (267), „[...] все легло плашмя; я не могу иначе назвать ту совершенную перемену тона газет и журналов, которые вчера „западнические” – сегодня повторяют „славянофильство” (274). Однако, как показали дальнейшие события, это был лишь ловкий камуфляж интеллигенции, сохранявшийся до времени, ибо положение ее стало бы весьма сомнительным уже в самом начале войны, останься она на своих западных позициях. Выждав удобный момент, интеллигенция начала усиленно раскачивать основы русской государственности, буквально выливая ушаты грязи на правительство, Государя, обвиняя Императрицу в пособничестве германскому командованию и т.д. Именно интеллигенция с ее западным мирозерцанием, „отвра-

тительное и неотвратимое дитя коего есть маленький уродец – „нигилизм” (280), совершила подлое предательство интересов всего русского народа, что в целом было вполне закономерно, и привела Россию к катастрофе. А потому надежды на ее возрождение в общерусском русле, возможно и казавшиеся кому-то реальными в 1914 году, все же изначально были „великой ложью”.⁸

Достаточное место в книге, а именно пять глав, отведено разговору о различиях в этнопсихологии, религии, воспитании, народном характере русских и немцев. Писатель приводит множество интересных и тонких, „чисто розановских”, наблюдений; обо всем, разумеется, сказать невозможно, а потому мы остановимся лишь на главе „Русское церковное воспитание и германские зверства”, где сосредоточен целый ряд любопытных и пронзительных, на наш взгляд, фактов. Начинается глава вопросом, казалось бы, простым: „Исключительные зверства немцев заставляют спросить себя: „Христиане ли они?” (281); ответ на него – угнетающий: „Они забыли Бога: не в одних зверствах, а – и вне их, до них, в самой жизни. С ними нет Бога – вот откуда зверства. Не они „Его не вспомнили», а Он о них забыл, как о существах малоодушевленных, плоских и грубых” (286). Как это произошло, где причины этого страшного явления? – на сей вопрос Розанов отвечает, рассуждая и о „напевах крови”, и о церковном воспитании русских и немцев, причем его выводы изобличают удивительную зоркость и проницательность.

---

⁸ В 1918 г. Розанов издаст книгу с характерным названием *Апокалипсис нашего времени*, проникнутую действительно апокалиптическим настроением. В предисловии он пишет: „Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего, заключается в том, что в европейском (всем, – и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Все потрясены. Все гибнут, все гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания”. А в главе „Как мы умираем?” скажет, в частности, следующее: „Замечательно, что мы уходим в землю упоенные. Мы начинали войну самоупоенные: помните, этот август месяц, и встречу Царя с народом, где было все притворно? И победы...[...] Победа создается не на войне, а в мирное время. А мы в мирное время ничего не делали... Уже если чем мы упились восторженно, то это – революцией” (В. Розанов, *Избранное*. Мюнхен 1970, с. 444, 449). В письме к Э. Голлербаху от 26 VIII 1918 он с горечью признает: „В 14 лет Государственная Дума промотала все, что князья Киевские, цари московские и императоры петербургские... накапливали и скопили в тысячу лет. [...] Россия пуста. Боже, Россия пуста. Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала веру, продала землю, продала работу”. Там же, с. 538).

У немцев душа лютая, у русских – сердобольная. Говоря о „мягкости славянской породы“, он замечает, что „к доброму факту крови присоединился счастливый способ воспитания души, проистекающий из особого воздействия Церкви” (282), и тут же приводит пример такого нравственного возделывания „внутренней почвы” у русских : „...в каждой церкви нарисовано...на стене зрелище *болящего* Лазаря! Именно – в ранах и пластырях, как многие русские в Германии. Как же русскому может прийти на ум такого человека тронуть, когда он по количеству ран своих есть почти святой... И не трогают. *Больного никогда не трогают*. А Змий на задней стороне церкви? Для нас – смешно, а народ вглядывается и трепещет. Читает под самыми изображениями о «лютых» и «немилостивых» людях, которых Змий всех тянет в бездну. [...] картины поучают «с непоколебимостью» и «страхом Божиим». [...] оттого-то и выходит, что «смотрим и трепещем», и «больному иностранцу – непременно поможем», трепеща о душе своей. Душа русского человека, во всяком случае, *испугана грехом*, чего решительно нет у немцев, и чего в протестантском богословии отнюдь не содержится” (283). Протестанты не знают, что такое святость. Их церковь, как метко подмечает Розанов, – „правильная”. У русских же – церковь *святая*. Лютер, в безумном рационализме своем под влиянием своего наставника иудея Меланхтона, отказался от *образа Божия*, от *иконы*, тем самым впад в *ересь ересей иконоборчества*, и на этом гнилом фундаменте построил „немецкую церковь”. Не вдаваясь в догматические рассуждения, скажем только, что для нравственного воспитания народа это обстоятельство возымело самые печальные последствия; „грубый” дух германцев (жестокая история Нибелунгов), не получивший тонкой огранки, предпочел „кулачное право”. Слушая в кирхах умствования своих пасторов, но „не видя Бога”, немец так и остался с какой-то невозделанной душой, остался только „корректным”, „общественно – воспитанным”, но не „нравственно – воспитанным и религиозно – воспитанным”, по словам Розанова, человеком. „*Самая почва* Германии – какой-то религиозный булыжник, а не живые цветочки, сплетенные из вздохов, из слез, из мученических подвигов, страданий и кровей. «Как им не быть грубыми, – скажем мы в оправдание зверств. Они – несчастны»” (286–287).

Русские же люди „и воспитались, видя «лицо святого». В «лице» уже все есть, все сказано, – сказано осуждение всякому греху, сказано поощрение всему доброму. Отсюда русские люди, кроме «святого в *живом*», так чтут «*святые лики*», и «*образа*», и «*иконы*». «*Лицо* все скажет», «все запретит», «к праведному подвигнет». Нужен был особенный тупой глаз немцев, чтобы не понять этого (отмена икон), а умный русский глаз подсмотрел «тайну *лица*» и /икону удержали/

возлюбил. «Икона все говорит», «икона молитве учит». Как только пали «святыя», у лютеран и исчезла вся категория «святости», – «иконы» неодолимо стали для них непонятны и не нужны» (285).

И в заключени еще об одном наблюдении писателя, связанном с воздействием на душу человеческую самих текстов церковных служб, воздействием тонким и неуловимым, но, тем не менее, дающим поразительные результаты. Нравы народные „у нас – кротки и человеколюбивы. И вот мы тут вспомним Церковь и ее незаметное тысячелетнее воспитание, раньше грамоты и письма, слухом. Не западет в ум одному, то западет другому... *каждому* самому легкомысленному «западет» хоть раз слово, – что диакон на ектении молится о «страждущих, *недогувающих и путешествующих...*» [...] У русского просто «не поднимется рука» на такого и – *никогда* не поднимется;... здесь, кроме доброй крови славянской, действует и тот «канон» души и жизни, какой нам тысячелетие давала Церковь, давала и дает во всем христианстве *одно православие*. [...] У католиков эти ектении не удержались, а Лютер вообще «все это и подобное» выбросил вон. И в ХХ веке прусские лейтенанты и вахмистры вдруг предстали перед миром какими-то голыми и дикими, – религиозно-оголенными» (287–288). Раздумывая над этими наблюдениями Розанова, невольно согласишься, что немцы суть „несчастный народ”, и невольно вместе с ним повторишь: „Много доброго... хлеба хранится по русским деревням... но лучше всего эта пшеница Господня, сохраненная Церковью и которою питается русский народ” (288).

И, наконец, еще один важный раздел книги „Судьба Польши и Слово Верховного Главнокомандующего”, перед которым помещен исторический документ, думается впервые после 1914 года публикуемый полностью в России, и поэтому тоже представляющий большой интерес: *Обращение Верховного Главнокомандующего о Польше и о Червонной Руси*. Он раскрывает перспективы русской православной политики в отношении *братского славянского народа*: „Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия, – такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде. [...] Заря новой жизни занимается для вас. Да воссияет в этой заре знамение креста – символ страдания и

воскресения народов. – Верховный Главнокомандующий генерал – адъютант Николай⁹» (288–289).

Перевод этого эпохального документа на польский язык был выполнен графом Сигизмундом Велепольским, председателем польской группы в Государственном Совете. Морис Палеолог, посол Франции в Российской империи, рассказывая в своих мемуарах об обнаружении „Польского манифеста”, в частности, сообщает следующее: „Третьего дня Сазонов¹⁰ просил Велепольского посетить его... В нескольких словах он сообщил ему обо всем, затем прочел ему манифест. Велепольский слушал его со стиснутыми руками, с затаенным дыханием. После волнующих заключительных слов... он разражается слезами и шепчет: «Боже мой, Боже мой, слава тебе...» Когда Сазонов рассказывает мне эти подробности, я привожу ему слова, которые Гратри произнес в 1863 г.: «Со времени раздела Польши Европа находится в состоянии смертного греха».¹¹ Думается, что переживания гр. Велепольского, вызванные этим манифестом, разделял весь польский народ. „Этот призыв, вместе со старыми франко-польскими связями, привел к тому, что все видные общественные деятели русской части Польши громко провозгласили свою верность союзникам; легионы Пилсудского почти не нашли себе пополнения в Царстве Польском”.¹² Но не ради привлечения поляков в стан союзников был дан сей манифест, а в соответствии с волей Государя: „дабы цел был и сохранялся впредь польский народ, как единый из славянства” (290), дабы освободить Европу от „смертного греха” – именно таковыми были принципы православной политики последнего Российского императора.¹³ Это был достаточно мужественный поступок Николая II, особенно в военное время, ибо далеко не все русское общество

---

⁹ Великий князь Николай Николаевич (1856–1929), главнокомандующий Русской Армией Первую мировую войну (до 23 августа 1915 г.).

¹⁰ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), министр иностранных дел (1910–1916).

¹¹ М. Палеолог, *Царская Россия во время мировой войны*, Москва 1991, с. 80.

¹² С. С. Ольденбург, *Царствование Императора Николая II.*, т. 2, с. 151.

¹³ Весьма полезными в этом отношении представляются и размышления Розанова о Гаагской конференции. „Еще когда накануне ее никто и ничего не думал о возможности эры мира на земле, Русский Царь вынес из великого сердца своего жалость к истощению сил всех народов на непрерывные вооружения, – и предложил доброй воле европейских могуществ («потентаты») им самим разоружиться, мирно выработав такие нормы вооружения, за которые «никому не переступить». Великое слово, великое движение, – и поистине оно украсило конец XIX века, как какая-то иная звездочка иного неба” (294).

разделяло подобный взгляд на „польский вопрос”. За Обращением Главнокомандующего стояло царское слово. О нем, об этом слове, удивительно пронизательно судит Розанов : „Мы даже не догадываемся, не умеем подняться умом до объема слова царского, из которого исходят миры ...слово царское есть творческое, живородящее, созидающее ...целые миры. Сила, которая накоплена историей” (295).

И вот царь заговорил о воссоединении Польши. „В то время, как Австрия манила их [поляков] приманками провинциальной свободы, – ...не пророняя слова о целизне Польши, – и явно, что эту провинциальную свободу она увеличивала не по расположению к полякам, но для укора однородной им России и для наибольшего увода поляков вдаль и вдаль от славянства... а Пруссия цинично и явно поклялась стереть поляков с самого лица земли... в это самое время был некто, кто оказался им самым суровым, наименее обещающим, но втайне он-то болел о главном их страдании... Первые же слова Обращения...выявили воочию всего мира главное страдание поляков с такой полнотою, что сами поляки затрепетали, ибо и сами они скорее путались в этих мыслях, все говоря только о провинциальной свободе...отчаиваясь даже в ней и представляя себе «восстановление разорванного народа» пустой мечтой, для которой нет в мире никакой опоры” (291). Однако, как показала история, такая опора была, и был это именно Русский Царь: „[...] поляки [...] были без надежды в истории. Вдруг им открылось, что он был Некто, кто всегда о них думал, – думал и молчал, болел и молчал... Пока не дошло до поры «сделать». И он «сделал». – «Повелеваю»” (298). Говоря о государевом слове, Розанов подчеркивает, что „оно стоит совершенно вне традиции славянофильства” и „открывает собою традицию Престола Царского”, по выражению писателя, „о Польше... славянофилы не говорили ни разу тепло” (298). В связи с этим хотелось бы напомнить о труде Н.Я. Данилевского „Россия и Европа”. Эта книга, по справедливому мнению выдающегося русского мыслителя К. Н. Леонтьева, „в первый раз определила, что настоящее славянофильство есть не простой панславизм и ни какая попало любовь к славянам, а стремление к оригинальной культуре... стремление к своеобразной... цивилизации, долженствующей поглотить и претворить в себе европеизм...”¹⁴ В главе XIV своего исследования Данилевский специально рассматривает польский вопрос и предлагает его решение в границах Всеславянской федерации. „В качестве члена союза, будучи самостоятельна и независима, в форме ли личного соединения с Россией, или даже без оного, – пишет ученый, – она [Польша] была бы свободна только во благо, а не во вред

¹⁴ К. Н. Леонтьев, *Восток. Россия и Славянство*, Москва 1996, с. 286.

общеславянскому делу. Силы Польши были бы в распоряжении союза; а всякое действие ее против России было бы действием не против нее только, а против всего Славянства... было бы, следовательно, изменою против самой себя»: под всеславянским же союзом он понимает „единственную твердую почву, на которой может расти самобытная славянская культура”.¹⁵

Рассуждая о польской проблеме, Розанов подчеркивает, что полякам „громадным, в версту, словом – ...указано «лежать в славянском Гнезде». Конечно, это не то, что «в немецком гнезде», где им вообще нет никакого места, никакого духа, где только ожидается всеми... «когда же вас не будет?»» (302). Нельзя не заметить, что все эти мысли, только более аргументировано, без излишней эмоциональности, были высказаны Данилевским еще в 1871 году (первое издание *России и Европы*). А потому утверждать, что традиция Престола пролегла „совершенно вне традиции славянофильства”, как это делает Розанов, вряд ли уместно и вполне убедительно. Действительно, славянофилы по-разному смотрели на „польский вопрос”, а потому при изложении их мнения следовало бы все-таки его дифференцировать. Кроме того, критика славянофилов, развернутая писателем в настоящей главе „славянофильство умерло”, мысль его „бессильна и узка...”, „благородные мысли славянофилов суть именно то благородство, из которого ничего не выходит” и проч. (298), вступает в явное противоречие с его же мнением, высказанным выше, в третьей главе книги, где, автор, в частности, пишет: „Славянофилы не только кротким взглядом отметили кроткие черты русской истории... но и личным духом своим... стали звать сюда же. Они дали не только объяснение, но и дали идеал. [...] Славянофилы, отклоняясь от неразрешимой проблемы о «конечном смысле человеческой жизни», который в руках Промысла и Судьбы, – дали ближайшую и широчайшую концепцию... целой цивилизации, как непременно мирной, без... притеснения, без угнетения и в полном мире” (273). А, говоря о переименовании русской столицы в „Петроград”, подчеркивает: „Могучее «хочу» Государя в отношении наименования столицы указывает нам другие родники бытия: славянский мир и все те нравственные и политические начала, какие указывали славянофилы. ...заря новой войны...культурное возрождение России, возрождение на исконных русских началах” (280). Значит, все-таки традиция Престола и традиция славянофильства достаточно тесно связаны. Как раз в данном случае весьма наглядно проявляется известная непоследовательность розановской мысли, ее „эскизность”, путаность, на что часто указывают исследователи его

¹⁵ Н. Я. Данилевский, *Россия и Европа*, с. 335, 337.

творчества и что, кстати сказать, иногда затрудняет выяснение истинной позиции писателя.

Итак, завершая обзор книги В. В. Розанова *Война 1914 года и русское возрождение*, должно сказать, что сегодня она имеет для нас непреходящее значение исторического документа, яркого, подчас весьма эмоционального свидетельства событий начала Великой войны, свидетельства возрождения „интеллигентствующего” русского человека, вдруг разом пробудившегося от грозного набата беды народной, вдруг понявшего что „посылает история”...